Ссылка для цитирования этой статьи:

Милентьев О.И. Эмпирическая верификация фазового критерия субинститута права // Human Progress. 2026. Том 12, Вып. 8. URL: http://progress-human.com/images/2026/Tom12_8/Milentiev.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2026-8a-3.

УДК 340.1

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ ФАЗОВОГО КРИТЕРИЯ СУБИНСТИТУТА ПРАВА

Милентьев Олег Игоревич
аспирант,
Байкальский государственный университет;
адвокат,
Иркутская областная коллегия адвокатов,
г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. В статье обосновывается регулятивно-фазовая концепция субинститута права, расходящаяся со структурной теорией С.С. Алексеева. Показано, что сохраняющийся полвека спор о субинституте упирается в общую для всех трактовок предпосылку: понимание субинститута как статичного элемента структуры права. Концепция отказывается от онтологии «элемента»: субинститут понимается как регулятивная фаза нормативного массива сложного правового института – состояние, в котором часть норм обособлена от общего регулирования и действует по собственным правилам. Предложен операциональный критерий: субинституциональная фаза констатируется при наблюдении не менее трёх из четырёх фазовых маркеров – собственного словаря, собственного набора правовых последствий, собственного инструментария и внутренней общей части. Новизна исследования состоит в эмпирической верификации критерия: субинститут опознаётся не доктринальной декларацией, а по наблюдаемым признакам текста нормативного акта. Проверка на материале Уголовного кодекса Российской Федерации подтвердила работоспособность критерия; это придаёт полувековой дискуссии проверяемый характер и открывает применение маркерной методики в юридической технике – при прогнозировании институционализации блоков норм и оценке последствий упрощения регулирования.

Ключевые слова*:* субинститут права, правовой институт, фазовые маркеры, Уголовный кодекс РФ, соучастие, ответственность несовершеннолетних, конфискация, дефазизация, верификация.

Введение

Субинститут права – категория, введённая в научный оборот О.С. Иоффе [1, с. 157] и разработанная С.С. Алексеевым [2, с. 201], – не получила общепризнанного определения и операционального критерия выделения [3, с. 14]. Закрепление конструкции в учебной литературе обеспечено систематичностью изложения, а не доказательностью [4, с. 9].

С.С. Алексеев описал субинститут как обособленное подразделение сложного правового института. Это положение легло в основу последующих разработок категории субинститута [5, с. 179]. При всех различиях в оценках его правовой природы субинститут сохранял статус элемента структуры – мысленной конструкции, существование которой можно было только постулировать.

Регулятивно-фазовая концепция заменяет онтологию элемента онтологией фазы: субинститут – регулятивная фаза нормативного массива сложного правового института, режим его существования. Массив при этом может существовать в двух устойчивых состояниях: слитно с общими положениями института либо обособленно, в виде специализированного режима. Второе состояние и есть субинститут.

Главное следствие концепции – субинститут становится доступен эмпирической верификации, то есть проверке на реальном нормативном материале: фаза опознаётся по формальным признакам текста закона, и вывод о ней можно подтвердить или опровергнуть, анализируя действующий акт. Такая проверка проведена в статье на материале Уголовного кодекса Российской Федерации, главы которого образуют ясно очерченные, сопоставимые блоки норм, а категория субинститута детально разработана уголовно-правовой доктриной.

Материалы и методы

Концепция опирается на два положения теории права. Первое касается первичности принципов: принципы права суть «первичные и наиболее абстрактные элементы единой системы форм национального и международного права, в процессе конкретизации которых вырабатываются нормы права». Из этого следует важный вывод: привычная цепочка «отрасль – подотрасль – институт – норма» – не исходная данность, а результат развития нормативного материала. Прежде чем обособится норма, существует общее регулирование, и любые обособления – вторичны. Второе положение связано с системностью права: нормативный массив живёт, из него выделяются специальные блоки, которые затем могут вновь раствориться в общем регулировании [5, с. 193].

Теперь о самой идее. Нормы одного и того же института работают по-разному. Одни растворены в общем регулировании: они действуют совместно со всеми остальными и внешне

себя не проявляют. Другие собраны в обособленный блок – со своим словарём, собственными правилами и последствиями – и действуют как особый режим. Такое состояние нормативного материала, то есть способ его регулирующего действия, концепция называет регулятивной фазой. Субинститут в этом свете – не часть конструкции права, а зафиксированное в тексте закона состояние, в котором пребывает часть норм института: материал обособлен и действует по собственным правилам. Деталь в тексте нормативного акта отыскать невозможно, а состояние – можно: оно распознаётся по наблюдаемым признакам.

Таких признаков – назовём их фазовыми маркерами – четыре:

1. Собственный словарь (лексический маркер). У блока есть устойчивая терминология, которая не встречается в остальных нормах института и обслуживает только его.

2. Собственный набор последствий (контур последствий). Санкции, меры принуждения, основания ответственности, которые нельзя вывести из общих правил института без отдельного предписания.

3. Собственный инструментарий (микроинструментарий). Презумпции, фикции, легальные определения, действующие только в пределах блока.

4. Внутренняя общая часть (мини-общая часть). Положения, которые задают блоку рамки изнутри: порядок его применения, условия действия, соотношение с иными нормами. Здесь концепция расходится с позицией

С.С. Алексеева, у которого общие положения остаются за пределами субинститута [2, с. 175].

В качестве рабочего допущения предлагается следующий порог: блок признаётся находящимся в субинституциональной фазе, если у него наблюдаются не менее трёх маркеров из четырёх. Порог призван отсечь две ошибки. Первая – случайные совпадения: один-два признака может обнаружиться почти в любом фрагменте текста, однако режим из них не складывается. Вторая – подмена масштаба: у полноценного института набор признаков полный, и он превосходит субинститут по охвату регулирования. Предложенный порог носит предположительный характер и подлежит проверке на материале кодифицированных актов [6, с. 45]. Блоки, набравшие два и менее маркеров, далее именуются предфазой: отдельные признаки в них уже наметились, однако режим не сложился.

Процедура проверки устроена предельно просто. Для каждого блока норм задаются четыре вопроса: есть ли у блока терминология, не употребляемая в остальной части кодекса; есть ли последствия, не выводимые из общих норм без специального правила; есть ли собственные презумпции, фикции или легальные определения; есть ли положения, задающие блоку внутренние рамки. Каждый вопрос допускает только ответ «да» или «нет», затем ответы

пересчитываются. Три-четыре положительных ответа позволяют говорить о субинституциональной фазе, два и менее – основания для такого вывода отсутствуют. Простота здесь – не упрощение, а условие достоверности: методика должна давать совпадающий результат у разных исследователей, работающих независимо[13].

Результаты и обсуждения

Проверены шесть блоков Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ) – от очевидных кандидатов в субинституты до заведомо спорных; результаты сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Результаты проверки блоков УК РФ по фазовым маркерам

Блок	M1	M2	M3	M4	Итог	Фаза
Соучастие (гл. 7)	да	нет	да	да	3	субинституциональная
Несовершеннолетние (гл. 14)	да	да	да	да	4	Субинституциональная с тенденцией институциональной
Принудительные меры мед. характера (гл. 15)	да	да	нет	да	3	субинст. (пограничная)
Конфискация (ст. 104.1–104.3)	да	да	нет	нет	2	предфаза
Освобождение от уголовной ответственности (гл. 11)	да	да	нет	нет	2	предфаза
Обстоятельства, исключающие преступность деяния (гл. 8)	да	нет	нет	нет	1	предфаза

Обозначения: M1 – терминология; M2 – контур последствий; M3 – микроинструментарий; M4 – мини-общая часть.

В главе 7 УК РФ («Соучастие в преступлении») лексический маркер представлен устойчивым понятийным рядом – исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник, эксцесс исполнителя (ст. 33, 35 УК РФ) – не употребляемым за пределами главы. Мини-общая часть образуется ст. 32 УК РФ, содержащей легальное определение соучастия, внутри

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

которого действует вся глава. Микроинструментарий составляют правила о квалификации действий соучастников и о преступном сообществе. Собственного контура последствий глава не имеет: наказание соучастников определяется по общим правилам ст. 67 УК РФ. Итог – три маркера, субинституциональная фаза, что совпадает с устоявшейся доктринальной оценкой [7, с. 254].

Наиболее плотным из проверенных блоков оказалась ответственность несовершеннолетних (глава 14 УК РФ): специализированная терминология (несовершеннолетний, принудительные меры воспитательного воздействия), самостоятельный контур последствий (пониженные пределы наказания, особые виды освобождения), микроинструментарий (правила назначения наказания несовершеннолетнему) и мини-общая часть (ст. 87 УК РФ с определением принудительных мер воспитательного воздействия). Четыре маркера из четырёх. Постоянное пополнение главы поправками свидетельствует о продолжающейся дифференциации материала – фаза движется к институциональной, что согласуется с моделью фазовой динамики.

Три маркера набраны в блоке о принудительных мерах медицинского характера (глава 15 УК РФ): терминология (вменяемость, ограниченная вменяемость, невменяемость), самостоятельный контур последствий (меры, не являющиеся наказанием[2]), мини-общая часть (ст. 97-99 УК РФ). Микроинструментария как отдельного слоя в главе нет. Формально – субинституциональная фаза; вместе с тем случай пограничный и показывает, что порог в три маркера не является абсолютной границей: массивы, находящиеся вблизи порога, требуют дополнительного содержательного анализа.

Блок о конфискации имущества (ст. 104.1-104.3 УК РФ) набрал два маркера: специализированную терминологию (имущество, полученное в результате совершения преступления; специальная конфискация) и самостоятельный контур последствий (мера, не относящаяся к наказанию, с собственными основаниями применения). Микроинструментарий и мини-общая часть отсутствуют. Содержательно блок специален, однако его структурная организация ограничена тремя статьями. Историческая динамика блока придаёт этому результату особое значение: конфискация была исключена из УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ[3] и восстановлена Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ[4] в

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.11.2023 № 54-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 13.11.2026).
[3] Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона О ратификации Конвенции Совета Европы о

новом качестве. Крайне редкий случай, когда массив норм прослеживается через отмену и восстановление: до 2003 года конфискация существовала как наказание с полноценным режимом, после реформы вернулась в виде иного, пока структурно неразвёрнутого образования. Хронология блока даёт эмпирическую иллюстрацию дефазизации – обратного движения, при котором маркеры утрачиваются и материал возвращается в общее регулирование.

В блоке об освобождении от уголовной ответственности (глава 11 УК РФ) зафиксированы два маркера: терминологический слой присутствует, отдельные последствия определяются, однако целостного режима нет – глава построена как совокупность самостоятельных оснований, не образующих общего регулирования. Диагностируется предфаза.

Единственный маркер обнаружен в главе 8 УК РФ («Обстоятельства, исключающие преступность деяния»): глава располагает собственной терминологией (необходимая оборона, крайняя необходимость, обоснованный риск), но лишена остальных признаков. Наиболее слабый из проверенных блоков; отнесение его к субинститутам, встречающееся в учебной литературе, критерием не подтверждается.

Методика предусматривает определённый порядок фиксации отрицательных результатов. Отсутствие признака устанавливается не умозрительно, а проверкой конкретных мест нормативного акта. Так, отрицательный ответ по контуру последствий для главы 7 УК РФ основан на трёх проверках: статьи главы санкций не содержат, будучи посвящены квалификации соучастия, а не его наказанию; назначение наказания соучастникам производится по общим правилам ст. 67 УК РФ, то есть по норме, действующей за пределами главы; кандидаты на особые последствия были проверены и исключены – эксцесс исполнителя (ст. 36 УК РФ) представляет собой правило квалификации, а участие в преступном сообществе (ст. 210 УК РФ) образует самостоятельный состав со своей санкцией в Особенной части. Такой способ фиксации делает отрицательный вывод воспроизводимым: другой исследователь, повторив проверку тех же мест, либо придёт к тому же результату, либо укажет норму, которая была упущена. Требование воспроизводимости, таким образом, контролирует не только положительные, но и отрицательные выводы методики. Аналогичный способ фиксации отрицательных результатов применён ко всем проверенным блокам.

Диагностика приводит к трём выводам.

предупреждении терроризма и Федерального закона О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3452.

Первый: работа критерия не противоречит тому, что юридическая наука установила до нас. Блоки, за которыми в доктрине давно закреплён статус сформированных субинститутов – соучастие и ответственность несовершеннолетних, – набирают по три и четыре маркера; спорные случаи остаются в предфазе. Новизна здесь не в самом итоге, а в его статусе: раньше существование субинститута утверждалось как доктринальное положение, теперь оно превратилось в утверждение, которое можно опровергнуть, предъявив текст нормативного акта. Критерий переводит давнюю научную констатацию из разряда деклараций в разряд проверяемых суждений.

Второй: история конфискации имущества показала, что дефазизация – не умозрительный элемент модели, а процесс, зафиксированный в хронологии закона. В существующих трактовках субинститута обратного движения материала – растворения обособленного режима в общем регулировании – места не нашлось; кейс конфискации закрывает этот пробел эмпирическим примером. Тем самым фазовая модель описывает не только статичную структуру, но и траекторию нормативного массива.

Третий: пограничное положение блока о принудительных мерах медицинского характера обнаруживает чувствительное место порога. Полумеры вроде точного пересчёта маркеров здесь не помогут; содержательно вернее ввести внутри субинституциональной фазы градацию – начальную и развитую, – отложив её закрепление до проверки методики на материалах других отраслей. Распространение диагностики на гражданское и административное право, где нормативные блоки устроены иначе, чем в уголовном законе, – следующая задача: если и там результаты совпадут с доктринальными оценками, фазовый подход получит основания претендовать на роль инструмента общей юридической техники.

Заключение

Проверка на материале УК РФ подтвердила работоспособность фазового критерия субинститута. Установлено следующее: порог «не менее трёх маркеров из четырёх» отделяет сложившиеся специализированные режимы от предфаз; результаты диагностики согласуются с устойчивыми доктринальными оценками, а там, где расходятся с ними, расхождения содержательны и указывают на пограничные состояния массива; историческая судьба конфискации имущества дала модели фазовой динамики первый эмпирический пример дефазизации. Ограничение проведённой проверки – одна отрасль и шесть блоков: достаточное для обоснования концепции, но недостаточное для окончательного закрепления порога. Перспективу исследования составляют межотраслевая верификация методики, градация внутри субинституциональной фазы и применение критерия в юридической технике – при

прогнозировании институционализации блоков норм и при оценке последствий упрощения регулирования.

Список литературы

1. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права: монография Москва: Госюриздат, 1961. 381 с.
2. Алексеев С.С. Структура советского права. Москва: Юридическая литература, 1975. 264 с.
3. Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2018. 39 с.
4. Усенко С.П. Субинституты российского уголовного права: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 5.1.4. Краснодар, 2023. 32 с.
5. Сулейменов М.К. Право как система: монография. Москва: Статут, 2016. 360 с.
6. Усенко С.П. Критерии обособления субинститута уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 1(59). С. 44-49.
7. Миронюк И.В., Безуглый С.Н., Першина Е.А. Соучастие в уголовном праве: современность и перспективы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 4(63). С. 253-258.

EMPIRICAL VERIFICATION OF THE PHASE CRITERION FOR A LEGAL SUB-INSTITUTION

Milentiev Oleg Igorevich
Postgraduate Student,
Baikal State University;
Attorney,
Irkutsk Regional Bar Association
Irkutsk, Russian Federation

Abstract. This article substantiates a regulatory-phase concept of a legal sub-institution, which diverges from the structural theory proposed by S.S. Alekseev. It is argued that the long-standing debate – persisting for half a century – regarding the nature of a legal sub-institution stems from a premise common to all existing interpretations: the view of a sub-institution as a static element within the structure of law. The proposed concept rejects the ontology of an «element», defining a sub-institution instead as a regulatory phase within the normative framework of a complex legal institution – a state in which a subset of norms is differentiated from the general regulatory regime and operates according to its own specific rules. An operational criterion is introduced: a sub-institutional phase is identified when at least three out of four «phase markers» are present – a distinct vocabulary, a unique set of legal consequences, a specific toolkit (mechanisms), and an internal «general part» The novelty of this research lies in the empirical verification of this criterion: a sub-institution is identified not through doctrinal declaration, but through observable features within the text of a normative act. Testing this approach against the Criminal Code of the Russian Federation has confirmed the validity and practical utility of the criterion. This lends an empirically verifiable dimension to a half-century-old debate and enables the application of a «marker-based» methodology within legal technique – specifically for forecasting the institutionalization of norm clusters and assessing the consequences of regulatory simplification.

Key words: legal sub-institution, legal institution, phase markers, Criminal Code of the Russian Federation, complicity, liability of minors, confiscation, de-phasization, verification.

References

1. Ioffe O.S., Shargorodsky M.D. Questions of the theory of law: a monograph Moscow: Gosyurizdat, 1961. 381 p.
2. Alekseev S.S. The structure of Soviet law. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975. 264 p.
3. Denisova A.V. The consistency of Russian criminal law: theory, law, practice: abstract of the dissertation. ...Dr. Jurid. sciences': 12.00.08. Moscow, 2018. 39 p.
4. Usenko S.P. Subinstitutions of the Russian criminal law: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. Sciences: 5.1.4 Krasnodar, 2023. 32 p.
5. Suleimenov M.K. Law as a system: a monograph. Moscow: Statute, 2016. 360 p.
6. Usenko S.P. Criteria for the separation of a subinstitute of criminal law // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1(59). P. 44-49.
7. Mironyuk I.V., Bezugly S.N., Pershina E.A. Complicity in criminal law: modernity and prospects // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 4 (63). P. 253-258.